

Надя Делаланд. Мой папа был стекольщик. – М.: Стеклограф, 2019. – 70 с.

«Эта книга – хрупкое и драгоценное творение. Благодаря главному своему свойству – прозрачности – она, оставаясь материальной, насыщенной земной облюбленной жизнью, пропускает свет и, становясь лёгкой и светлой, приближает к миру невещественному и вечному». Так пишет Владимир Гандельсман в своём предисловии к новой книге стихов Нади Делаланд. Очень точное и справедливое суждение, подтверждаемое стихами поэта:

Мой папа был стекольщик, и теперь
я всем видна насквозь, совсем прозрачна.
Тем, кто за мной, легко меня терпеть,
когда не пачкать.
Непрочную, на раз меня разбить –
вот я была, а вот меня не стало
(она была? Да нет, не может быть,
осколков мало).

Тем, кто знаком с творчеством этого автора, известна способность Делаланд вести разговор с читателем на полутонах, на тонких – именно, что прозрачных – нюансах осязаемого мира. Вот как она развивает заявленную тему прозрачности и хрупкости бытия, переживаемую душой, затаившейся в таком же хрупком человеческом теле:

Тело мое, состоящее из стрекоз,
вспыхивает и гаснет тебе навстречу,
трепет и свет всё праздничнее и крепче,
медленнее поднимаются в полный рост.
Не прикасайся – всё это улетит
в сонную синеву и оставит тяжесть
бедного остова, грусть, ощущение кражи,
старость и смерть, и всякий такой утиль.
Эту музейную редкость – прикосновенье
и фотовспышка испортят и повредят.
Можно использовать только печальный взгляд,
долгий и откровенный.

Прикасающийся к телу должен в полной мере ощущать эту уязвимость и эту хрупкость, соблюдая нежность, бережность и осторожность.

Можно не слушать и даже не отвечать,
можешь молчать, отвернувшись и притворившись.
Губы заходят справа в печаль плеча,
ловят меня за рифмы, сбивают с ритма.
Это как сон, из которого снова сон,
высунув хобот, качает меня и будит.
Дай поцелую за шею, шепну в висок,
плюну, прижму, пошлю... кто же так целует –
нет никого, только местные пустыри
анестезию пытаются сделать общей.
Нежность, как смерть. Обе зреют уже внутри.
Первая ближе. Вторая немного проще.

Цитируя Делаланд, не хочется выкраивать строки и строфы стихотворения, ибо оно всё наполнено образным звучанием. Взятая нота продолжает отображать это звучание:

Можно прощать, попрощаться, чуть постоять
вслед уходящему, лучше успеть до ночи,
все, что попросишь, милый мой, жизнь моя,
все, что захочешь,
на – раскрываю ладошку – бери, дарю
все, чем владею, так делают все, кто любит,
первому встречному мытарю-январю,
пусть так и будет.

Мне не раз доводилось писать о своеобразной манере автора обращаться со словом. Музыкальность и особый строй её стихов поддерживает неожиданная, незатёртая рифма, метафоричность её стихов задевает самые тонкие человеческие чувства. Изобретательная

техника в её поэзии совершенно органична. Стихотворная речь точна и интонационно достоверна. Делаланд не борется со стихом, она с ним в ладу, ощущая его родственную тонкость и хрупкость:

Не уводи меня речь, я хочу сказать,
что не начавшееся завершается лето,
что ускользает материя – ускользает
из ослабевшей памяти (нет, не это),
из ослабевших пальцев, пока строчит
швейная ручка буквы широким шагом,
апофатически (нет, и не то), молчит,
терпит и терпит стареющая бумага.
Книгу сошью огромной кривой иглой,
где на полях написано васильками,
что ничего остаться и не могло
из аккуратно сделанного руками.

Эта книга поэта пронизана привычным для автора светом жизни, свежестью присутщего Делаланд поэтического жеста. Но, в то же время, она пронизана грустью, перерастающей в печаль. Временность и краткость бытия, уходящего в вечность, в ней ощутимы острее, чем прежде. Больше боли, памяти о потерях. В ней сильнее проявлена отвага проживаемой жизни. В ней уже на исходе юная беззаботность. На мой взгляд, эта книга поэта – свидетельство стремительного внутреннего взросления и ещё более острого поэтического видения мира.